Ефим ФИДРЯ, Вадим СМИРНОВ

Рекрутинг политических элит Латвии в 1993–2014 годах

В начале 1990-х годов постсоветская Латвия столкнулась с проблемой резкого переструктурирования политических элит, появлением новых оснований и принципов отбора в верхние эшелоны политической власти, новых каналов рекрутинга, новых подструктур, среди которых значительную роль играли этнические группы [Розенвалдс, 2012]. Анализ аналогичных процессов в ряде других Прибалтийских республик уже стал предметом нескольких академических работ [Fodor et al., 1995; Gallina, 2008; Фидря, 2013; Смирнов, 2011; Фидря, Смирнов, 2012; Смирнов, 2013], однако анализа структурной динамики политических элит Латвии пока не проводилось.

В настоящей работе предлагается исследование структурных изменений политических элит Латвии и каналов элитного рекрутирования в 1993–2014 годах. Оно позволит установить важность связей, возникших в период первичной и трудовой социализации, выявить влияние диаспорального сообщества на формирование политической элиты Латвии, установить наличие стабильных внутренних кластеров, изучить их природу и характерные особенности.

Под политическими элитами в наших работах понимаются акторы (индивидуальные или групповые), которые, благодаря преимуществу своего стратегического положения, занимаемого в крупных организациях, считаются ведущими, и способны оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты [Хигли, 2011. С. 35; Higley, Burton, 2006. P. 7].

Политической элитой считаются те, кто занимает, в соответствии с конституционным дизайном страны, определенные позиции во властных структурах:

- президенты;
- премьер-министры;
- председатели Сейма;
- вице-премьеры, вице-спикеры; министры (занимающие свои посты не менее одного года);
- лидеры основных политических партий (имеющие фракции в парламенте) и депутаты, занимающие места в Сейме не менее двух сроков.

Всего в ходе нашего исследования проанализированы данные 353 латвийских политических деятелей, из которых 10 занимали пост Президента или советника Президента Латвии, 146 – имели должности в Правительстве (министры и выше), 184 – депутаты в Сейме, а еще 13 – другие должности (мэров крупных городов и членов Европарламента). Стандартизованная информация, содержащая необходимые биографические данные, взята из справочных разделов официальных сайтов Президента Республики Латвия (http://www.president.lv), Кабинета министров Республики Латвия (http://www.mk.gov.lv) и Сейма Республики Латвия (http://www.saeima.lv).

Таблица 1[1]. Объем выборки N для каждого парламентского электорального цикла

Цикл	1993–1995	1995–1998	1998–2002	2002–2006	2006–2010	2010–2011	2011–2014
N	45	49	51	53	58	46	51

ДИНАМИКА ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ЛАТВИИ

По результатам анализа трансформаций политических элит, каналов и механизмов их рекрутинга в бывших странах СССР можно выделить несколько крупных «бассейнов», среди которых: бывшая партийная номенклатура, бизнес-сообщество, интеллектуалы, региональные и зарубежные диаспоры. Ниже мы рассмотрим динамику представления этих блоков в структуре латвийских политических элит подробнее.

[1] Здесь и далее – авторские расчеты, если не указано иное.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 13-03-00415а «Формирование парламентской элиты стран Балтии после 1990 г.: ключевые факторы и акторы».

Ефим Фидря, кандидат социологических наук, директор Социально-гуманитарного парка Балтийского федерального университета им. И. Канта (236041, Калининград, ул. А. Невского,14). E-mail: EFidrya@kantiana.ru
Вадим Смирнов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта (236041, Калининград, ул. А. Невского,14). E-mail: VSmirnov@kantiana.ru
Аннотация: В настоящей работе предлагается исследование структурных изменений политических элит Латвии и каналов элитного рекрутирования в период с 1993 по 2014 годы. Выявляются качество и характер связей, возникших во время первичной и трудовой социализации политических элит, влияние диаспорального сообщества на формирование политической элиты Латвии, наличие стабильных внутренних кластеров, их природа и характерные особенности.
Ключевые слова: политические элиты, Латвия, рекрутирование.

«ПОЛИТИКИ МОРАЛИ» (ДЕЯТЕЛИ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА)

В Латвии, Литве и Эстонии интеллектуалы сыграли заметную роль в политических трансформациях начала 1990-х годов. «Политики морали» (как их назвали А. Адь и Я. Василевски), находясь в статусе структурной оппозиции в политическом пространстве, выступали в роли субъекта, обладающего значительным символическим капиталом – легитимным правом производить квалифицированные суждения относительно социально-политического устройства своих стран [Agh, 1998; Wasilewski, 2001]. В то же время отмечается, что недостаток административного опыта и потеря своей структурной роли в значительной степени подорвали впоследствии право этой группы претендовать на политическую власть [Lieven, 1994]. В условиях кризиса легитимации позднесоветской системы именно «политики морали» (представители науки, культуры, образования) получили возможность воспользоваться всей полнотой доверия массовых групп, которые видели в них альтернативу неустраивавшим номенклатурным деятелям.

Доля политиков, имеющих опыт работы в сферах образования, науки, здравоохранения, культуры или искусства, в исследуемый период колебалась в пределах 39–51%, причем, если до 2006 года их представительство в структуре политических элит росло, то после 2010 года удельный вес «политиков морали» снизился.

Таблица 2. Участие «политиков морали» в структуре политических элит

Цикл	1993–1995	1995–1998	1998–2002	2002–2006	2006–2010	2010–2011	2011–2014
N	18	19	23	27	28	18	22
Доля «политиков морали»	40,0%	38,8%	45,1%	50,9%	48,3%	39,1%	43,1%

Элита переломного периода выполнила главную задачу – свергла старый режим. Тем самым она выступила в роли агента мобилизации ключевого на тот момент требования – демонтажа советской системы. Запросы общества, требования на «входе» политической системы менялись по мере достижения общественного равновесия, стабилизации. Однако «политики морали» продолжали предлагать «на выходе» те же решения, что и прежде – отчасти идеалистические, отчасти «баррикадные».

В этом отношении «политики морали» могут быть представлены как пример четырехфазной стэнфордской модели кризисов развития, в рамках которой каждой фазе присущ определенный набор составляющих. Фазе изменения среды и функционирования системы соответствуют «ускорители кризиса» – агенты мобилизации требований. Но в дальнейшем запрос возникает уже на тех, кто призван не ломать старую систему, а бороться за развитие новых правил игры в процессе формирования коалиций, перераспределения ресурсов, выработки политических приоритетов.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДИАСПОРАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

В странах Прибалтики этнические литовцы, латыши и эстонцы, вернувшиеся из западных стран (прежде всего, североамериканских), сыграли важную роль в становлении новых политических элит и государственности в целом [Кирчанов, 2007. С. 117]. Представляется целесообразным выявить структуру диаспоральных сообществ и в латвийских политических элитах, а также определить динамику их представительства.

Принадлежность к диаспоральному сообществу в данной работе определялась по месту рождения и получения образования – школьного и затем университетского (как показатель места социализации будущих участников властных структур). В качестве критерия, на основании которого относили того или иного субъекта к определенной территориальной среде первичной социализации, использовалось фактическое подтверждение рождения или обучения субъекта в школах и вузах в Риге, на территории одного из регионов Латвии, РСФСР, соседней Литвы или в одной из стран Западной Европы и Северной Америки (укрупненная группа «Запад»).

Таблица 3. Доля представителей диаспор в структуре политических элит (%)

	1993-1995	1995-1998	1998-2002	2002-2006	2006-2010	2010-2011	2011-2014
Рига	35,5	44,9	39,2	39,6	48,2	56,5	58,8
Курземе	8,9	16,3	15,7	15,1	13,8	6,5	5,9
Латгале	17,8	14,3	15,7	11,3	8,6	13,0	15,7
Земгале	13,3	8,2	9,8	15,1	15,5	8,7	3,9
Видземе	20,0	14,3	11,8	9,4	8,6	10,9	9,8
РСФСР	2,2	2,0	3,9	3,8	3,4	2,2	2,0
Литва	-	-	2,0	-	-	-	2,0
«Запад»	2,2	-	2,0	3,8	-	2,2	2,0

Как видно из таблицы, среди политического истеблишмента Латвии достаточно выходцев из США, Канады и Великобритании (представителей латвийской диаспоры). Вопрос их влияния на политические процессы в Прибалтике весьма пристально изучил экс-депутат Европарламента Дж. Кьеза, работа которого написана в острой, полемичной манере [Кьеза, 2010]. Для стран Прибалтики рекрутирование в политическую элиту выходцев из диаспоры представляло собой своего рода связь, которая соединяла бы страну с демократическим прошлым (реальным и приукрашенным) и национальной историей, «прерванной» коммунистическим режимом.

По мнению В. Тишкова, распад СССР более напо-

минал мятеж провинций против центральной власти, нежели политически и юридически корректную процедуру оформления их государственной независимости. Политическая легитимность данному процессу придавалась с помощью «народных» (точнее, этнонационалистических) движений, которые сформулировали «идеологию распада», подменив понятие «нация» понятием «этнос» [Тишков, Шабаев, 2011. С. 154]. Этнический фактор не отошел на периферию политической жизни [Смирнов, 2013] даже после завершения основных евроинтеграционных процедур.

Возможность значительной части русскоязычных общин Эстонии и Латвии участвовать в происходящих в республиках процессах, влиять на политическую ситуацию существенно ограничена [Розенвалдс, 2012. С. 215]. Доступ нетитульных этнических групп к политическим ресурсам, по мнению латвийских исследователей, намеренно блокируется правящими кругами. Эта сформулированная латвийскими учеными в 2005 году [Зепа, Супуле, 2005. С. 9] точка зрения уместна, как показали итоги муниципальных выборов в Латвии в июне 2013 года, и сейчас.

Из числа самих латышей, ведущие роли в политической жизни, безусловно, играли представители Риги, доля которых колебалась от одной трети (в первый цикл) до половины (в последние два цикла). Именно рижане отличались не только многочисленностью своих представителей, но и ключевыми постами, которые они занимали.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ СОВЕТСКОЙ «НОМЕНКЛАТУРЫ»

Богатый административный опыт оказался широко востребован на начальных этапах строительства «новых» постсоветских государств – в частности, стран Прибалтики. Представители бывшей советской «номенклатуры» играли значительные роли в первые электоральные циклы, и вполне логично, что в последующие годы их представительство уменьшается.

В Латвии, равно как в Литве и Эстонии, политические деятели, имеющие опыт карьерного продвижения в системе Компартии, в течение длительного периода «нового» времени сохраняли свое существенное присутствие в органах государственной власти. Это проиллюстрировано на примере персонального состава парламентов Латвии, Литвы и Эстонии, отраженного в таблице 4.

Таблица 4. Уровень представительства бывших членов Компартии в парламентах Латвии, Литвы и Эстонии (1990–2004 годы) [Matonyte, 2009]

Страна	Члены Компартии до избрания в Сейм		Не входили в Компартию до избрания в Сейм		Были вовлечены в диссидентскую деятельность		Общее количество, чел.
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	
Литва	314	66,1	143	30,1	18	3,8	475
Латвия	315	73,3	104	24,2	11	2,6	430
Эстония	238	67,4	95	26,9	20	5,7	353

Значительная часть новой элиты как Латвии, в частности, так и трех Прибалтийских республик в целом, которая получила руководящие позиции после распада СССР, была рекрутирована из числа бывших функционеров Коммунистической партии, тем самым подтверждая тезис Дж. Хигли и М. Догана о том, что новая элита не может быть создана ex nihilo [Dogan, Higley, 1998]. До 1998 года «экс-номенклатура» составляла около 40% всех членов сетей политических элит.

Таблица 5. Доля политиков с опытом работы в советских органах власти

Цикл	1993-1995	1995-1998	1998-2002	2002-2006	2006-2010	2010-2011	2011-2014
N	19	19	16	8	12	10	7
Доля представителей «номенклатуры»	42,2%	38,8%	31,4%	15,1%	20,7%	21,7%	13,7%

Значительная часть этих политиков сохранила свои места и роли в 1998–2002 годы, однако, начиная с 2002 года, из обоймы ключевых политических игроков выпали – на время или насовсем – некоторые из важных фигур.

В последние два цикла некоторые из министров перешли на депутатские посты, а в кабинете министров остались только А. Штокенбергс (министр юстиции) и Г.В. Кристовскис (министр иностранных дел). В то же время отметим занятие президентского поста А. Берзиньшем, до того бывшего депутатом Сейма.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА

Если в Литве представители бизнес-сообщества набирали вес в политической сети [Фидря, Смирнов, 2012; Смирнов, 2013], а в Польше их представительство снижалось [Фидря, 2013], в Латвии политики с бизнес-опытом удерживают достаточно стабильную долю (30–43%) на протяжении всего исследуемого периода.

Таблица 6. Доля политиков с опытом работы в бизнесе

Цикл	1993-1995	1995-1998	1998-2002	2002-2006	2006-2010	2010-2011	2011-2014
N	14	14	17	21	20	20	20
Доля представителей бизнес-сообщества	33,3%	30,0%	34,8%	43,2%	34,8%	37,5%	40,0%

Начиная с 2000-х годов, большинство выходцев из деловых кругов стали занимать посты в профильных министерствах, либо заседать в Сейме. К концу исследуемого периода большинство представителей бизнес-кругов либо заседали в Сейме, решая задачи

продвижения интересов определенных экономических и политических сил, либо занимали профильные министерские посты.

Чаще всего политики, имеющие бизнес-бэкграунд, являются представителями банковской сферы (35%), консалтинга (16%), транспортного сектора (8%), сельского хозяйства (8%), телекоммуникационной отрасли (8%) и сектора операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг (8%). Большинство политиков, обладающих бизнес-опытом, работают в министерстве финансов (31%) и министерстве экономики (14%).

После выхода Латвии из состава Советского Союза можно выделить две основные группы влияния – так называемый «Клуб 21» и «Валмиерская группировка». К настоящему моменту можно говорить о том, что рычаги влияния отчасти сохранили лишь «осколки» так называемой «Валмиерской группировки», в целом сохранились возможности для влияния у «большой тройки» Лембергса, Шлесерса и Шкеле, однако появились и новые центры влияния, прежняя структура центров силы усложнилась: на место двух – трех главных группировок приходит все больше мелких, размывающих общую картину распределения влияния.

ВЫВОДЫ

Рассматривая трансформацию основных каналов вертикальной мобильности в постсоветской Латвии, можно указать на несколько выявленных тенденций в рамках анализируемого периода:

1. Сохраняется высокий удельный вес выходцев из интеллектуального сообщества (деятели науки, культуры и искусства, выходцы из СМИ) в органах государственной власти Латвии. Причем зачастую в сферу политического они привносят специфические практики внутриэлитного взаимодействия, что приводит к повышению градуса медийности, откровенно популистскому поведению и карнавализации политического процесса в стране. В результате политическая повестка, несмотря на формальное присоединение страны к основным евроинтеграционным институтам, не смещается в сторону ординарной, традиционной, а кристаллизуется на базе посткоммунистического раскола, присущего, казалось бы, первоначальному этапу трансформации.

2. В составе сетей политических элит значительный сегмент занимает количество субъектов, обладающих предпринимательским опытом. Это приводит к усилению неформальных лоббистских практик в рамках политического процесса (политическую повестку задают конкретные бизнес-группировки, что привело к известной в Латвии войне с олигархами, результатом которой стал глубокий политический кризис 2011 года). С другой стороны, есть риск вытеснения из политического процесса ценностной составляющей, ее замены на сухой прагматический расчет. При определенных условиях может это иметь свои плюсы – например, снизить уровень идеологизации, «истеризации» отношений, например, с Россией как крупнейшим бизнес-партнером, переориентируя двусторонние контакты на обоюдную выгоду.

3. Выходцы из стран Западной Европы и США в Латвии составляют очень малую долю политической элиты. Однако тот факт, что выходцы из диаспорального сообщества оказывались в Латвии на ключевых постах (в том числе – президента), не позволяет пренебречь значением этой структурной группы. Количественное их присутствие мало, но качественное влияние существенно.

Рижская диаспора играла ведущую роль в сетевой структуре политической истории Латвии на протяжении всего постсоветского периода. Именно рижане, в основном выпускники Латвийского университета, составляли ядро политических элит страны, являясь не только самой многочисленной группой, но и занимая все ключевые посты (президента, премьер-министра и спикера Сейма). Прочие латвийские территориальные диаспоры были представлены в структуре политических элит неравномерно.

4. Выходцы из номенклатуры в Латвии в течение всех исследованных электоральных циклов демонстрируют политическое долгожительство. Хотя доля представителей бывшей советской «номенклатуры» постепенно снизилась за исследуемый период втрое, богатый опыт старых административных кадров востребован и сейчас. Учитывая то, сколь активно на элитном уровне в Прибалтике порицалось карьерное продвижение политиков в советское время, это следует расценивать скорее как высокий уровень адаптивности, присущий аппаратчикам, нежели как свидетельство закупорки каналов вертикальной мобильности. Фактор наследия прошлого, раскол на антикоммунистов / посткоммунистов сохраняется в политической жизни Латвии, постепенно трансформируясь в раскол по поводу влияния России, что особенно ярко проявилось в так называемый послекрымский период.

Литература

Agh A. The Politics of Central Europe. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications. 1998. 244 p.

Dogan M., Higley J. Elites, Crises, and the Origins of Regimes. Rowman and Littlefield Publishers. Boulder CO. 1998. 264 p.

Fodor E., Wnuk-Lipinski E. and Yershova N. The New Political and Cultural Elite // Theory and Society. 1995. Vol. 24. No. 5. 783-800 pp.

Gallina N. Political Elites in East Central Europe: Paving the Way for «Negative Europeanisation»? Budrich UniPress Ltd. 2008.

Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Boulder: Rowman & Littlefield. 2006. 227 p.

Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven, London: Yale University Press, 1994, 504 p.

Matonyte I. Ex-nomenklatura and Ex-dissidents in the Post-communist Parliaments of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland // Viesoji politika ir administravimas. 2009. N 29. 28-39 pp.

Зепа Б., Супуле И. Латвийская субмарина // Эксперт Северо-Запад. 2005. 12–18 сент. № 34 (239).

Кирчанов М.В. Латвия и страны Балтии: проблемы дипломатической и политической истории. Воронеж: Воронежский государственный университет. Факультет международных отношений. 2007. 153 с.

Къеза Дж. Латвийский кандидат или Неизвестные приключения негражданина в Европе. М.: Трибуна. 2010.

Розенвалдс Ю. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 149–161.

Смирнов В.А. Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980–1990-х годов: роль «политиков морали» // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 18–31.

Смирнов В.А. Рекрутирование политических элит в Прибалтике: роль этнического фактора // Балтийский регион. 2013. № 4 (18). С. 146-159.

Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Издательство Московского университета. 2011. С. 154.

Фидря Е.С. Трансформация сетей политических элит Республики Польша в период 1993–2013 гг. // Власть. 2013. № 9. С. 64–68.

Фидря Е.С., Смирнов В.А. Трансформация сетей политических элит Литовской республики в постсоветский период (1992–2012 гг.) // ПолитЭКС. 2012. № 3. С. 76–98.

Хигли Дж. Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс // Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011. 431 с.

THE RECRUITMENT OF LATVIAN POLITICAL ELITES DURING THE YEARS 1993–2014.

Efim Fidrya, Ph.D., (sociology), director of the Social and Humanities Park, Immanuel Kant Baltic Federal University. _ (14 A. Nevsky Str. Kaliningrad 236041). E-mail: EFidrya@kantiana.ru

Vadim Smirnov, Ph.D., (politics), senior researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University. _ (14 A. Nevsky Str. Kaliningrad 236041). E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

Abstract: In the present work, we research the structural changes of political elites of Latvia and the channels of elite recruitment during the years 1993-2014. We identify the quality and character of the bonds that arose in the period of primary and labor socialization of political elites, the impact of diaspora communities on the formation of the political elites of Latvia, the presence of stable inland clusters, their nature and special feature characteristics.

Keywords: political elites; Latvia; recruitment.

References

Agh A. The Politics of Central Europe. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998, 244 p.

Dogan M., Higley J. Elites, Crises, and the Origins of Regimes. Rowman and Littlefield Publishers, Boulder CO, 1998, 264 p.

Fodor E., Wnuk-Lipinski E. and Yershova N. The New Political and Cultural Elite // Theory and Society, 1995, Vol. 24, No. 5, pp. 783-800.

Gallina N. Political Elites in East Central Europe: Paving the Way for «Negative Europeanisation»? Budrich UniPress Ltd., 2008.

Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Boulder: Rowman & Littlefield, 2006, 227 p.

Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven, London: Yale University Press, 1994, 504 p.

Matonyte I. Ex-nomenklatura and Ex-dissidents in the Post-communist Parliaments of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland // Viesoji politika ir administravimas, 2009, No. 29, p. 28-39.

Zepa B., Supule I. Latviiskaia submarina [Latvian submarine]// Ekspert Severo-Zapad, 2005, 12–18 sent., No. 34 (239).

Kirchanov M.V. Latviia i strany Baltii: problemy diplomaticheskoi i politicheskoi istorii [Latvia and the Baltic States: problems of diplomatic and political history]. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, Fakul'tet mezhdunarodnykh otnoshenii, 2007, 153 p.

K'eza Dzh. Latviiskii kandidat ili Neizvestnye prikliucheniia negrazhdanina v Evrope [Latvian candidate or Unknown adventures of the alien in Europe]. Moscow, Tribuna, 2010.

Rozenvalds Iu. Problema «(de)germetizatsii» politicheskoi elity Latvii i Estonii: perspektivy russkoiazychnogo men'shinstva [Problem «(de)sealing» of the political elite of Latvia and Estonia: the prospects for Russian-speaking minorities]// Sravnitel'naia politika, 2012, No. 3 (9), pp. 149-161.

Smirnov V.A. Formirovanie politicheskoi elity Litvy na rubezhe 1980 - 1990-kh godov: rol' «politikov morali» [The formation of the political elite of Lithuania at the turn of 1980 - 1990-ies: role of politicians morality]// Baltiiskii region, 2011, No. 4, pp. 18-31.

Tishkov V.A., Shabaev Iu.P. Etnopolitologiia: politicheskie funktsii etnichnosti [Ethnopolitical: political functions of ethnicity]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011, p. 154.

Fidria E.S. Transformatsiia setei politicheskikh elit Respubliki Pol'sha v period 1993–2013 gg. [The transformation of the networks of the political elites of the Republic of Poland in the period 1993-2013]// Vlast', 2013, No 9, pp. 64-68.

Fidria E.S., Smirnov V.A. Transformatsiia setei politicheskikh elit Litovskoi respubliki v postsovetskii period (1992–2012 gg.) [The transformation of the networks of the political elites of the Republic of Lithuania to post-Soviet period (1992-2012)]// PolitEKS, 2012, No 3, pp. 76-98.

Khigli Dzh. Elity, vne-elitnye gruppy i predely politiki: teoreticheskii rakurs [Elite, non-elite groups and policy limits: a theoretical perspective]// Elity i obshchestvo v sravnitel'nom izmerenii / pod red. O.V. Gaman-Golutvinoi, Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2011, 431 p.